
ЛЕНИНСКАЯ ИДЕЯ ОБ ОТРАЖЕНИИ КАК СВОЙСТВЕ ВСЕЙ МАТЕРИИ И ЕЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ

Доктор философ. наук Л. А. АБРАМЯН

Одну из важнейших сторон теоретической деятельности классика марксистской мысли В. И. Ленина составляет защита, обоснование и дальнейшее развитие основных принципов диалектико-материалистической философии. Осмысливая новейшие данные специальных наук, в частности естествознания, обобщая опыт политической борьбы, отвечая на критику идейных противников, великий мыслитель и революционер разрабатывал фундаментальнейшие проблемы философии, лежащие в самой основе научного мировоззрения. Особое место в философском наследии Ленина занимает идея об отражении как свойстве всей материи, имеющая основополагающее значение для всей философской концепции марксизма.

Существенной особенностью ленинского предположения о том, что всей материи присуще свойство отражения, является ее **логическая обоснованность**. Но логичность, логическая обоснованность как вообще, так и в этом случае находит свое выражение в двух планах: не только в согласованности с определенными, существующими в данный период теориями, методологическими принципами, мировоззренческими положениями, но и (так как логическое есть историческое, освобожденное от исторической формы) **в согласии с историческим опытом развития человеческой мысли**. В нижеследующем изложении предполагается рассмотреть вопрос главным образом во втором аспекте. Поскольку, однако, оба выражения логической обоснованности тесно между собой связаны, невозможно, хотя бы совсем кратко, не коснуться первого аспекта проблемы.

* * *

Как известно, идея об отражении как свойстве материи впервые была высказана Лениным в произведении «Материализм и эмпириокритицизм» в связи с критикой философии махизма. Непосредственным поводом к обсуждению данной проблемы послужил вызов, брошенный материализму Э. Махом. В книге «Анализ ощущений» Мах, обсуждая вопрос о том, «как далеко простираются в органическом мире ощущения», т. е. можно ли приписывать ощущения не только человеку, но и животным, и растениям, далее продолжал: «Иногда задаются также вопросом, не ощущает ли и «материя» (неорганическая)»¹. Тем самым,

¹ Э. Мах. Анализ ощущений и отношения физического к психическому. Изд. 2-е, исправленное, М., 1908, стр. 204. (В. И. Ленин цитирует первое русское издание этой работы, вышедшее в свет в 1907 г.).

следовательно, ставился вопрос о том, наделена ли способностью ощущения вся материя.

Следует заметить, что сам Э. Мах не считал постановку этого вопроса корректной. «Этот вопрос вполне естественен, если исходить из обычных, широко распространенных физических представлений, по которым материя представляет собой то **непосредственное** и несомненно данное **реальное**, на котором строится все, как органическое, так и неорганическое...»². Иначе говоря, этот вопрос, по Маху, имеет смысл в том случае, если принимаются материалистические («физические») представления о первичности, непосредственной данности материи. С точки же зрения самого Маха, такая постановка вопроса неправомерна, поскольку для него (как приверженца идеалистического сенсуализма) непосредственной реальностью обладают лишь ощущения, которые в одной связи являются физическими элементами, а в другой — психическими. При таком подходе вопрос о том, ощущает ли материя, действительно становится бессмысленным.

Если, однако, все же допустить (таков дальнейший ход мысли Маха), что материя есть непосредственное данное и отмеченный вопрос правомочен, то «в таком случае в здании, состоящем из материи, ощущение должно возникать как-то внезапно, или же оно должно существовать в самом, так сказать, фундаменте этого здания»³. Таким образом, Мах ставил материализм перед дилеммой: либо согласиться с тем, что ощущение возникает в верхних этажах здания материи «как-то внезапно», либо же признать, что оно имеется уже «в самом фундаменте» этого здания.

Австрийскому физику и философу, по-видимому, казалось, что у материализма нет иного выбора, кроме как принять предложенную им дилемму. А поскольку она ему представилась неразрешимой, Мах был убежден, что необъяснимой — с позиций материализма — является также проблема происхождения ощущений и сознания вообще. Ибо само собой разумеется, что идея о внезапном появлении ощущений явно отступает от принципов научного объяснения и научного мышления вообще. Вместе с тем Мах ясно видел, что для материализма неприемлемо также положение о всеобщей одушевленности и чувствительности материи («материалисту часто бывает не по себе, когда ему приходится оживить мир тел, внести в него ощущения»⁴). Для Маха эта ситуация служила еще одним свидетельством несостоятельности материализма: поскольку из известных материалистических предпосылок вытекает проблема, которая оказывается принципиально неразрешимой, то от точки зрения материализма следует отказаться. Таков в основном философский смысл маховского вызова материализму.

Приняв вызов, брошенный материализму, В. И. Ленин тем самым взял на себя решение предложенной Махом дилеммы.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 33.

В «Материализме и эмпириокритицизме» прежде всего показано, что современная форма материализма не поставлена перед необходимостью принятия альтернативных (и ошибочных) решений, подсказываемых Махом и другими⁵. Ведь каждое из этих решений предполагает феномен ощущения готовым, сложившимся, уже существующим в этом своем качестве — и в том случае, когда допускается его внезапное появление, и тогда, когда его существование мыслится как извечное и изначальное. Оба этих решения отвергаются современным материализмом (как материализмом диалектическим) уже потому, что он рассматривает ощущение как нечто ставшее, сформировавшееся, развившееся.

Но тем самым маховская дилемма снимается: **следует считать, что ощущение присуще только высшим формам материи, и вместе с тем видеть в нем явление, возникшее и развившееся из определенных естественных предпосылок.** Именно в этом направлении и движется ленинская мысль. Отвечая на вопрос о том, можно ли приписывать способность ощущения всей материи, Ленин настаивал, что «ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)...»⁶. В этом вопросе диалектический материализм, в отличие от метафизического, полностью и решительно расходится с точкой зрения, именуемой **гилозоизмом и панпсихизмом.**

В. И. Ленин справедливо полагал, однако, что при обсуждении данной проблемы одной лишь оппозицией гилозоизму и панпсихизму ограничиться невозможно, ибо «остаётся ещё исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения»⁷. В самом деле, отнесение ощущения к развитым формам органической материи отнюдь не равносильно признанию того, будто на верхних ступенях развития материи ощущение возникает «вдруг», «внезапно», «подобно револьверному выстрелу». Напротив, уже потому, что ощущение трактуется как нечто высшее и развившееся из определенных предпосылок, необходимо раскрыть генетические связи ощущения с родственными, хотя и более элементарными свойствами органической и даже неорганической материи, из недр которых оно возникает. Вместе с тем понят-

⁵ У Г. В. Плеханова, не раз обращавшегося к данной проблематике, приведено, в частности, рассуждение Я. Штерна — теоретика из среды немецкой социал-демократии, который по существу воспроизводит маховскую постановку вопроса: «Совершенно необъяснимо, каким образом в животной клетке ощущение (основной элемент психической жизни) является вдруг, подобно револьверному выстрелу; необходимо заключить, что и неорганическим телам свойственна, конечно, только минимальная и простая психика, которая растет и усложняется по мере того, как мы поднимаемся по лестнице живых существ». При этом, поскольку Плеханов сопровождает приведенную им поддержку замечанием: «Это так», к сожалению, создается впечатление, будто он присоединяется к заключению Я. Штерна (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 353—354).

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 39—40.

⁷ Там же, стр. 40.

но, что в вопросе о происхождении, генезисе ощущения естествознанию многое «остаётся ещё исследовать и исследовать».

Э. Мах, как известно, ставил в вину материализму нерешённость вопроса, откуда возникает ощущение. Отвергая это обвинение, В. И. Ленин трудности решения этой проблемы связывал прежде всего с её неизученностью в естественнонаучном плане. В нерешённости вопроса о генезисе ощущений материализм повинен не больше, чем любое иное философское учение, опирающееся на данные науки. «Разве какая-нибудь другая философская точка зрения «решает» вопрос, для которого собрано ещё недостаточно данных»⁸, — спрашивал Ленин.

Ко времени, когда была написана ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм», человеческое познание не накопило ещё необходимых данных, чтобы высказать по этому поводу суждение, вполне обоснованное в естественнонаучном отношении. Но разве отсюда вытекает, что вследствие этого философия лишена возможности высказать какое бы то ни было предположение? Не такого мнения придерживался Ленин: о познавательной ценности философского мышления и методологической роли философии, когда в связи с обсуждением данной проблемы он писал: «Материализм ясно ставит нерешённый ещё вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»⁹.

Исходя из такого понимания взаимоотношения естествознания и философии, противостоящего как концепции «чистой» философии, так и точке зрения узкого, не позволяющего себе мыслить эмпиризма, Ленин выдвинул идею, в которую был заложен эвристический заряд огромной силы. Философское предположение, которое было сделано В. И. Лениным с целью объяснения происхождения ощущения, состоит в том, что материи, по-видимому, присуще такое общее свойство — свойство отражения, которое, усложняясь на основе развития материи, на высших его уровнях превращается в способность ощущения. Выше формы отражения (в частности, ощущение) возникают из низших, но, сохраняя генетическое родство с ними, вместе с тем отличаются от них качественно.

Понятно, что эта ленинская идея не могла быть простым эмпирическим обобщением специальнонаучных данных. Поэтому, когда Ленин говорил о свойстве отражения в плане его естественнонаучной исследованности, он находил, что «в фундаменте самого здания материи» **можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением** (выделено нами.—Л. А.)¹⁰. Когда же В. И. Ленин имел в виду философско-теоретический аспект проблемы, он квалифицировал своё предположение как логически обоснованное: «...**Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощу-**

⁸ Там же, стр. 39.

⁹ Там же, стр. 40.

¹⁰ Там же.

щением, свойством отражения» (выделено нами.—Л. А.)¹¹. Логическая обоснованность этого предположения, таким образом, относительно независима от его эмпирической проверенности и подтвержденности. Если ощущение не присуще всей материи, т. е. не является чем-то изначально существующим, и в то же время нельзя принять, будто оно появляется вдруг, без подготавливающей его предыстории,—идея о некотором общем свойстве материи, на основе которого возникает ощущение, оказывается единственно возможным логически оправданным предположением.

Выдвинув в полемике против Маха идею об отражении как свойстве всей материи, Ленин опроверг маховскую дилемму, подорвав ее основание, построенное из метафизических «или»—«или», и убедительно продемонстрировал теоретическое преимущество современного материализма в объяснении одного из коренных вопросов философии. Значение ленинской идеи, однако, выходит далеко за пределы дискуссии с махизмом, ибо она наметила способ решения проблемы, над которой материалистическая философия билась на протяжении всей своей истории: как рационально осмыслить переход от материи к сознанию.

* * *

Чтобы представить содержание и значение ленинской идеи об отражении, целесообразно было бы кратко остановиться на некоторых моментах, относящихся к истории философского вопроса о материи как субстанции сознания. Основанием для обращения к истории философии является, конечно, не одно только то обстоятельство, что Ленин в подтверждение своего предположения ссылается на «догадку Дидро», уделяя много места изложению и анализу рассуждений из «Разговора Даламбера с Дидро». Ленинская идея об отражении (как любая значительная философская идея) может быть понята во всем своем значении, в частности, при условии, если суметь в ней увидеть обобщение опыта развития философской мысли и решение проблем, так или иначе уже поставленных мыслителями предшествующих поколений¹². Суть философской идеи невозможно выявить полностью, отвлекаясь от смысла борьбы вокруг определенных вопросов, имевшей место на предыдущих этапах истории философии. В свете этого ленинское обращение ко взглядам Дидро — отнюдь не внешний литературный прием, а выражение органической преемственности в развитии философской мысли.

Выше было уже отмечено, что вопрос о том, как рационально осмыслить переход от материи к сознанию, вставал, собственно, перед материализмом. Материализм, не желающий довольствоваться простым провозглашением принципа: материя первична, сознание вторично,—

¹¹ Там же, стр. 91.

¹² Между тем даже в таком капитальном исследовании, как недавно вышедшая в свет книга «Ленинская теория отражения и современность» (София—Москва, 1969), этот аспект проблемы почти совсем не освещен.

естественно, не может не задуматься над тем, возможен ли вообще переход от материи как первичного к сознанию как к чему-то производному от материи.

Это не означает, что исходные посылки другого направления в философии — идеализма полностью освобождают его от аналогичной проблемы. Идеалистическое решение основного вопроса философии, сводящееся (если это решение представить в обнаженном виде) к тому, что идеальное является первичным по отношению к материальному, также к чему-то обязывает: в этом случае необходимо обосновать возможность перехода от первичного идеального к материальному.

В субъективном идеализме, основанном на принципе *esse percipi* (существовать — значит быть воспринимаемым), эта задача не ставится. Она устраняется посредством элиминации какой бы то ни было реальности, не зависимой от сознания. Иначе говоря, субъективный идеализм исключает и запрещает «трансцензус» — выход за пределы сознания, переход к внешнему миру. По поводу обещания Маха построить физические элементы из психических Ленин, опираясь на опыт истории философии, констатировал: «Беркли уже достаточно показал, что «построить» «из ощущений, т. е. психических элементов», нельзя ничего, кроме солипсизма»¹³.

Что же касается объективного идеализма, то наиболее осмотрительные представители этого направления обычно предпочитают толковать отношение между мировым Логосом и миром вещей в духе Гегеля, а именно в чисто логическом плане. Реальное же, фактуальное, историческое соотношение этих двух миров, по справедливому замечанию Ф. Энгельса, здесь «принимает нередко еще более запутанный и нелепый вид, чем в христианстве...»¹⁴.

Не удивительно, что способы решения основного вопроса философии, отстаиваемые идеализмом, никогда до сих пор не подтверждались — ни прямо, ни косвенно — специальнонаучными данными. По своему своему смыслу они в принципе не допускают теоретического подтверждения или опровержения (с другой стороны, не в этом ли одна из причин живучести идеализма?)¹⁵. Если же посылки идеализма интерпретируются как утверждения, поддающиеся проверке, то, они, судя по всему тому, что до сих пор было завоевано научным познанием, не имеют никаких шансов быть когда-либо обоснованными. Недаром некоторые современные течения в идеализме прямо-таки отрешиваются от

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 41.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 283.

¹⁵ Приводя мысли Дидро о том, что идеализм — это система взглядов, которую «к стыду человеческого ума и философии, труднее всего опровергнуть, хотя она и является самой абсурдной из всех систем» (Дени Дидро. Собр. соч., т. I, М.—Л., 1935, стр. 248), Ленин отмечал, что глава энциклопедистов вплотную подошел к точке зрения современного материализма, согласно которой «недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 28. В. И. Ленин цитировал Дидро по французскому изданию, в собственном переводе).

основного вопроса философии, причем на том именно основании, что это — всего лишь «псевдопроблема», исключающая возможность установления истинности или ложности ее решений¹⁶.

Мысль о непроверяемости и, следовательно, бессмысленности философских («метафизических») утверждений, как видно из сказанного, не совсем лишена основания: она верна по отношению к основным посылкам идеализма. Но она не должна и не может быть распространена на философию в целом, особенно же — на материалистическую философию. Если материя есть не только логически, но и исторически первичное, а сознание — свойство высокоорганизованной материи, продукт ее развития, то в материи вообще потенциально содержится возможность порождения сознания. Значит, существует принципиальная возможность отыскать и исследовать в низших формах материи такое свойство, которое в ходе развития при определенных условиях трансформируется в раздражимость, чувствительность, ощущение и т. п. Иначе говоря, точка зрения материализма принципиально проверяема, что и создает предпосылки для его внутренней, необходимой связи с естествознанием.

Сказанное нельзя, разумеется, понимать в таком смысле, что материализм уже при своем зарождении располагал методологически во всех отношениях безупречным решением или что в своем восхождении к современной его форме материализму не приходилось преодолевать серьезных трудностей. Прошлые формы материализма носили, как известно, по преимуществу метафизический, недialeктический, неисторический характер. В применении к данному вопросу это означало, что проявления сознания (ощущение, мышление) рассматривались как нечто постоянно тождественное себе, т. е. вне становления их качественной определенности.

Двойственную, противоречивую роль при этом сыграл принцип *ex nihilo nihil fit* (из ничего ничего не возникает), являющийся выражением «бегства от чуда» (А. Эйнштейн). Этот принцип, составляющий неотъемлемую черту материалистической философии и естественнонаучного мышления, исключал для материализма возможность признания «внезапного» появления сознания из ничего. Однако при метафизическом его истолковании этот принцип равносителен отрицанию качественных изменений и сводится к тезису: подобное возникает из подобного. Материалисты прошлого склонны были скорее признавать, что живое возникает из живого, сознательное — из сознательного, чем согласиться

¹⁶ Видимо, неразрешимостью проблем, возникающих перед идеализмом, не в последнюю очередь было обусловлено возникновение в истории философии дуализма. Напрасно, однако, было бы ожидать, будто дуализму удалось преодолеть (вернее, обойти) трудности, встающие перед монизмом — как материалистическим, так и идеалистическим. Ведь монизм и дуализм состоят не в чем ином, как «в последовательном или непоследовательном проведении материализма или идеализма» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 307). Справедливость этого важного историко-философского принципа в нашей литературе со всей убедительностью подтверждена, в частности, анализом философии классического представителя дуализма — Декарта.

с тем, что органическое и психическое появляются из ничего¹⁷. В этом состоит их преимущество перед идеализмом, и в этом же заключена их слабость, проистекающая из метафизического способа мышления. В результате гилозоизм и панпсихизм оказывались платой за «бегство от чуда».

Однако недialeктичность вовсе не является каким-то органическим, неискоренимым пороком материалистического мировоззрения. И хотя вполне очевидным это стало лишь с возникновением марксистской философии, но первые бреши в метафизическом способе мышления материализмом были сделаны уже в XVII—XVIII вв. Речь идет прежде всего о таких мыслителях, как Спиноза и Дидро.

Поставив целью объяснить мир из него самого, Спиноза положил в его основу единую и единственную субстанцию, которую он наделил двумя основными атрибутами — протяжением и мышлением. В сущности им была высказана та важнейшая материалистическая идея, что мышление является атрибутом той же самой субстанции, которую предшествовавшая философская традиция характеризовала только как протяженную.

Если Спинозу понять так, будто он приписывает мышление всем модусам субстанции, то пантеизм, пантеистическую форму спинозовского материализма вряд ли можно будет отличить от гилозоизма. К сожалению, именно так и была воспринята философия Спинозы некоторыми последующими мыслителями, например Толандом¹⁸. И нельзя сказать, что автор «Этики» не дал к этому никаких поводов¹⁹. Тем не менее с такой интерпретацией спинозизма трудно согласиться. Мышление как атрибут субстанции Спиноза отнюдь не отождествлял с человеческим мышлением. (В одном из своих писем он иронизировал по поводу того, что Бекон, по его мнению, представляет разум «по своему собственному масштабу, а не по масштабу вселенной»²⁰). В вопросе о взаимоотношении субстанции и ее атрибутов с модусами спинозовская точка зрения близка к диалектической: субстанция в ее единстве, целостности и бесконечности характеризуется иными атрибутами, нежели конечные модусы, скажем, человек. Думается, что ключом к пониманию спинозовского представления о мышлении как атрибуте единой субстанции, мышлении как явлении космического порядка могут служить следующие слова Ф. Энгельса: «...У нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что **ни один**

¹⁷ Показательно в этом смысле следующее рассуждение Бейля: «Если тело способно страдать там, где оно является нервами, то оно способно страдать и в любом ином месте: в камнях, металлах, в воздухе... И если бы хотя один атом однажды был лишен способности мыслить, то представляется совершенно невозможным, чтобы превращение этого атома в субстанцию, именуемую животным духом, сделало его мыслящим» (Пьер Бейль. Исторический и критический словарь, т. I, М., 1968, стр. 163).

¹⁸ См. Д. Толанд. Письма к Серене. Английские материалисты XVIII в., т. I, М., 1967, стр. 180.

¹⁹ См. Б. Спиноза. Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 414.

²⁰ Там же, т. II, стр. 388.

из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» (выделено нами. — Л. А.)²¹.

Смысл данного сопоставления, впрочем, состоит не в том, что философия марксизма, как полагали некоторые теоретики, является родом спинозизма. Приписывать атрибут мышления субстанции, богу, отождествляемому с природой, конечно, не то же самое, что наделять свойством отражения материю. Нельзя не заметить и того, что диалектические идеи не проводятся у Спинозы последовательно: в частности, они не восполняют разрыва между неизменной субстанцией и изменчивыми, преходящими модусами. В рассматриваемом плане важна, однако, не неизбежная историческая ограниченность спинозизма, а его прогрессивная историческая тенденция, его устремленность, предвосхищающая направленность последующего развития. В этом отношении философия Спинозы знаменует собой одну из самых значительных вех в становлении современного материализма.

Возможно, в этой связи возникнет вопрос: почему же в таком случае Ленин ссылается не на Спинозу, а на Дидро. Но, прежде всего, по этому вопросу неправомерно было бы противопоставлять Спинозу и Дидро, так как последний совершенно недвусмысленно заявлял о своей приверженности к спинозизму²². А по существу на этот вопрос нетрудно ответить, если вспомнить, что в труде «Материализм и эмпириокритицизм» критическому анализу был подвергнут главным образом идеалистический **сенсуализм**, идеалистические представления о сущности чувственного познания. Поэтому взглядам сенсуалистов идеалистического направления уместно было противопоставить идеи сторонников материалистического понимания природы и происхождения ощущений и в числе них — идеи Дидро.

Но взгляды Дидро по данному вопросу, как и идеи ряда других французских (а также, разумеется, и английских) материалистов XVIII в., исторически восходят к философскому учению Локка. Можно сказать, что в известном отношении Локк занимает такое же место в сенсуализме, какое принадлежит Спинозе в рационализме XVII в.

Одна из фундаментальных философских проблем, обсуждавшихся в «Опыте о человеческом разуме» Локка, — это вопрос о субстанции ощущения и мышления. Суть его — в локковской постановке — сводится к следующему: придал ли бог некоторым материальным системам, соответственно устроенным, способность воспринимать и мыслить, или он

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 363.

²² Имеется в виду статья «Спинозист», опубликованная в «Энциклопедии». К. Маркс находил определенный рациональный смысл в утверждении Гегеля о том, что французский материализм может рассматриваться как реализация субстанции Спинозы (см. там же, т. 2, стр. 146).

присоединил к материи мыслящую нематериальную субстанцию?²³ На первый взгляд, речь здесь идет о каких-то схоластических и даже теологических тонкостях. В действительности, однако, вопрос (разумеется, если отвлечься от депистической формы его постановки) стоит так: является ли субстанция ощущения и мышления материальной или духовной. Внешне и формально (особенно в «Опыте») Локк допускал обе возможности, так как представить себе одну из них «не труднее для нашего разума», чем другую²⁴. Но в сущности, судя по опубликованным им «Письмам», адресованным Эд. Стиллингфлиту²⁵, Локк был склонен считать субстанцию сознания материальной. Существен при этом следующий момент: логический центр локковского анализа заключается в доказательстве того, что присоединение к протяженной и плотной субстанции способности ощущения и мышления можно мыслить непротиворечиво, ибо это, как подчеркивал Локк, не разрушает сущности материи²⁶. В этом смысле Локк полагал, что материя может обладать способностью мышления.

Младший современник Локка — Толанд делает следующий значительный шаг, сосредотачивая все свое внимание — при анализе данного вопроса — на исследовании атрибутов материи. В самом деле, необходимо было ясно представить, какие атрибуты свойственны материи, чтобы обоснованно судить о том, можно ли непротиворечивым образом представить присоединение к материи способности мышления. Важнейшей идеей, возвышающей Толанда над его предшественниками, является идея о том, что «движение есть существенное свойство материи»²⁷, причем движение не только в смысле пространственного перемещения, но и в смысле самодвижения, существенной внутренней активности²⁸. С этих позиций Толанд подверг критике тезис о всеобщей одушевленности материи, считая, что источником гилозоизма — негативно — служит допущение «существенной бездеятельности материи»: мнимая всеобщая одушевленность природы, по Толанду, становится излишней, коль скоро признается, что материя обладает внутренней активностью сама по себе²⁹.

И если уже Локк, мыслящий материальную субстанцию инертной, не видел противоречия в присоединении к материи способности мышления, то тем более такое противоречие трудно было усмотреть после Толанда, признавшего материю активной³⁰.

²³ См. Д. Локк. Избранные философские произведения, т. I, М., 1960, стр. 529.

²⁴ См. там же.

²⁵ См. там же, т. II, стр. 447—466.

²⁶ См. там же, т. I, стр. 521; т. II, стр. 451.

²⁷ Д. Толанд. Письма к Серене. Английские материалисты XVIII в., т. I, стр. 152.

²⁸ См. там же, стр. 142, 152, 171.

²⁹ См. там же, стр. 180.

³⁰ В. И. Ленин подчеркивал, что подлинные взгляды материалистов, в том числе Дидро, вопреки иногда навязываемым интерпретациям, состоят не в том, чтобы «выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи...» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 41). Об этой стороне вопроса нельзя не помнить, об-

В свете того, что развитие английского материализма приняло такое направление, не удивительно, что другой соотечественник и последователь Локка—Пристли, отчасти еще повторяя локковскую аргументацию, уже винит (впрочем, не совсем справедливо) Локка в непоследовательности, поскольку-де тот «утверждал, что способность мыслить может быть свойством тела, и в то же время считал более вероятным допущение, что эта способность присуща отличной от материи субстанции, именно нематериальной душе»³¹. Если один вид субстанции — таков ход мысли Пристли в кратком изложении — достаточен для того, чтобы получить все известные свойства, то допущение другой такой субстанции уже не является необходимым для объяснения этих свойств³². Иначе говоря, идея о духовной субстанции становится излишней.

Сомнение в том, что субстанция сознания может быть только нематериальной, скромно, но твердо высказанное Локком, превратилось у ряда мыслителей XVIII в. в убеждение. Блестящая плеяда французских последователей Локка обсуждает данную проблему, выступая уже с позиций воинствующего атеизма и материализма, освободившегося от теологических оков. Существенный вклад Локка, однако, не был предан забвению, ибо, например, Гольбах почти буквально воспроизводит аргументацию Локка, когда пишет: «Даже с точки зрения теологической гипотезы... остается непонятным, по какому праву теологи могли бы отрицать у своего бога возможность наделять... материю способностью мыслить. Разве ему труднее было бы создавать комбинации материи, имеющие своим результатом способность мышления, чем создавать мыслящих духов»³³. Но то, что Гольбах галантно именуется «теологической гипотезой», было уже отброшено и осуждено.

В целом отношение французских материалистов к вопросу о том, обладает ли материя способностью ощущать и мыслить, тем не менее представляется несколько противоречивым. Все они задаются этим во-

еуждая вопрос о происхождении ощущений. Вместе с тем решение вопроса, можно ли считать материю субстанцией сознания, существенно зависит от того, из какого представления о материи (и свойственном ей движении) при этом исходят. Инертную материю, или материю, которой, по Гоббсу, присуще лишь механическое и математическое движение, трудно было наделить способностью ощущения. Только представив материю в движении и самодвижении, понимаемых не только количественно, но и качественно, не только как перемещение, но и как внутреннее напряжение и «мучение» [Qual] материи (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 142, т. 22, стр. 300), можно осмыслить понятие об отражении как свойстве всей материи. Материалиста, естественно, не устроит мистическое, на манер Я. Бёме, объяснение природы этого «мучения». Но совершенно отказаться от идеи активности материи — значит полностью лишиться себя всякой возможности хоть сколько-нибудь разобраться в проблеме происхождения сознания.

³¹ Д. Пристли. Исследования о материи и духе. Английские материалисты XVIII в., т. 3, стр. 188.

³² См. там же, стр. 183. Прав поэтому К. Маркс, отмечая, что Пристли и другие последователи Локка «уничтожили последние теологические границы локковского сенсуализма» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 144).

³³ П. Гольбах. Здравый смысл, М., 1941, стр. 83.

просом, считая, по-видимому, его постановку правомерной и обоснованной, а некоторые из них склоняются к положительному его решению. Вместе с тем ощущается какая-то неудовлетворенность таким подходом, такой постановкой проблемы и незавершенность самого решения. Особенно это ощущается у Гельвеция, в словах которого явно сквозит горькая ирония по поводу того, что в спорах вокруг этой проблемы были приложены «такие необычайные усилия ума, которые привели и должны были на самом деле привести лишь к более или менее остроумным заблуждениям»³⁴. Гельвеций как будто не верит в возможность рационального решения проблемы.

Откуда такой скептицизм? В чем источник такой двойственности? Он состоит, на наш взгляд, в том, что данную проблему действительно невозможно разрешить с позиций метафизического материализма.

Участники клуба барона Гольбах и его единомышленники были далеки от того, чтобы категорически настаивать на одушевленности материи, на ее способности к ощущению. Даже признавая, что материя ощущает, они имели в виду не то, что вся материя ощущает, а то, что именно материя ощущает, что носителем, основой, субстанцией ощущений является не что иное, как материя. Тезис о том, что помимо субстанции, обладающей материальной природой, не существует никакой другой ощущающей и мыслящей субстанции, является несомненным выражением материализма. Но у представителей метафизического материализма, рассматривавших способность ощущения как нечто всегда существующее в этом своем качестве, вообще говоря (в рамках метафизического способа мышления) не было иной возможности последовательно провести материалистическую точку зрения, кроме как принять гилозоистическое допущение. Столкновение этих взаимоисключающих моментов создавало ситуацию, в которой нелегко было сделать разумный выбор. Отсюда — сомнения, неудовлетворенность, недоговоренность и поиски какого-то иного, нового подхода.

Дидро прошел через все эти трудности и противоречия. Существуют, полагал он, только две возможности для объяснения чувствительности. Первая состоит в том, что она проникает в тело каким-то сверхъестественным способом. Дидро, понятно, отвергал эту возможность («бегство от чуда»). В таком случае, полагал он, придется допустить вторую: нельзя не принять «простого, все объясняющего предположения — чувствительности, как общего свойства материи или продукта организации»³⁵.

Эти рассуждения Дидро вновь подтверждают, что логически гилозоизм необходимым образом следует из принципов метафизического материализма. Но этот вынужденный, если так можно его определить, гилозоизм так же отличается от мистико-романтического гилозоизма, как пантеизм Спинозы от пантеизма Якоба Бёме. Помимо того, именно Дидро явился тем мыслителем, который больше, чем кто-либо из мате-

³⁴ К. А. Гельвеций. Об уме, М., 1938, стр. 23.

³⁵ Дени Дидро. Собр. соч., т. I, стр. 377.

рналистов XVIII в., стремился выйти за рамки метафизического способа мышления, нащупывая путь к материализму диалектическому.

Может ли камень мыслить, спрашивал Дидро. Может! Но для этого его надо растолочь, вырастить на нем растение и съесть это растение, превратив материю камня в материю ощущающего тела³⁶. Подобное понимание проблемы, очевидно, уже расходится с точкой зрения наивного гилозоизма. Но и на этом Дидро не останавливался. Согласно его предположению, если мертвая материя превращается в живую и чувствительную, значит ей свойственна способность, потенция такой трансформации и поэтому за ней следует признать «инертную чувствительность», о реальности которой «можно удостовериться при переходе ее в состояние деятельной» (чувствительности.— Л. А.)³⁷.

Исходя из идеи о двух родах чувствительности, Дидро находил, что «активная» чувствительность является свойством только живой материи, но вместе с тем между двумя качественно различными видами чувствительности — «инертной» и «активной» — нет непроходимой пропасти: первая при соответствующих условиях переходит во вторую. Таким образом, устанавливая между различными видами чувствительности как общность, так и различие, Дидро преодолевал прямолинейный гилозоизм и приближался к диалектическому решению проблемы.

Правда, это свое предположение Дидро отстаивал не без колебаний и отступлений. Но историческая ограниченность воззрений Дидро состоит не просто в непоследовательности, а прежде всего в том, что он был еще далек от мысли о генетической связи между различными родами чувствительности, от идеи о том, что «активная» чувствительность вообще впервые возникает из «инертной». Наконец, только марксистская философия представила высшую форму отражения — человеческое сознание — как продукт не только природного, но и общественного развития, как социальное по своей сущности явление. Даже говоря об ощущении, В. И. Ленин подчеркивал особую природу специфически человеческого ощущения как элемента человеческой психики, характеризуя его как превращение энергии внешнего раздражителя в факт сознания³⁸, как субъективный образ объективного мира³⁹. Идея о том, что высшая форма отражения — сознание — является в своей сущности социальным феноменом и подвластно законам общественно-исторического развития, осталась неведомой и Спинозе и Дидро. И тем не менее, анализируя «догодку Дидро», нетрудно увидеть, что В. И. Ленин имел основания

³⁶ См. там же, стр. 367—370.

³⁷ Там же, стр. 368. Есть основания полагать, что в нижеследующих словах Гольбаха обрисована точка зрения редактора «Энциклопедии»: некоторые философы различают «два рода чувствительности: одну—активную, или живую, другую—инертную, или мертвую, и тогда, чтобы одушевить субстанцию, надо будет только разрушить препятствия, которые ей мешают быть активной и чувствующей» (П. Г о л ь б а х. Система природы, М., 1940, стр. 66). Известно, кстати, что гольбаховская «Система природы» создавалась при близком участии Дени Дидро.

³⁸ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 46.

³⁹ См. там же, стр. 120.

ссылаться на великого французского материалиста как на одного из своих предшественников.

* * *

Связь ленинской идеи об отражении как свойстве всей материи с предшествующим философским наследием, в частности ее связь с предположением Дидро, на которую специально указывал Ленин, свидетельствует о том, что ленинская идея основана не только на логико-теоретическом анализе основного вопроса философии, но и на историко-теоретическом изучении уроков истории философии, на критическом обобщении опыта философских исканий предшествующих поколений.

Ленинская идея об отражении, как уже говорилось, занимает центральное положение во всей философской концепции марксизма (а не только в его гносеологии) и является выражением внутреннего единства этой концепции. Дело не только в том, что понятие отражения в свернутом виде содержит в себе решение основного вопроса философии в обоих его аспектах. Идея об отражении как свойстве всей материи тесно связана с теорией отражения, составляющей основу гносеологии диалектического материализма. Эта идея открывает путь для объяснения генезиса форм отражения внешнего мира в сознании человека и, таким образом, имеет важное гносеологическое значение. Вместе с тем высшие, человеческие формы отражения по существу исследуются Лениным в плане социальной детерминированности их возникновения и развития, их общественно-исторической обусловленности. Наконец, поскольку эта идея раскрывает одно из общих свойств, атрибутов материи, она, безусловно, имеет и «чисто» онтологическое содержание. Рассматривая высшие формы отражения как в сущности своей социальные явления, как бы возвращая гносеологию к онтологии и развивая онтологию в гносеологию, ленинская идея об отражении как свойстве всей материи служит воплощением нераздельности онтологии, гносеологии и материалистического понимания истории в единой марксистско-ленинской философии. Для того, чтобы подойти к современному своему взгляду на сознание и познание, материализм должен был стать не только диалектическим, но и историческим.

В. И. Ленин подчеркивал, что марксистская философия возникла как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии прошлого⁴⁰. Это ленинское положение полностью оправдано и по отношению к идее об отражении как свойстве всей материи.

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 40.